Джованни Савино
РАНХиГС, Москва, Россия

Норма политической морали: интеллектуальный проект Антонио Грамши

В данной статье рассматривается формирование и развитие идей итальянского теоретика и марксистского деятеля Антонио Грамши перед и после русской революции 1917 года. Начав как журналист и активист Итальянской социалистической партии в рабочем городе Турине, Грамши видел в событиях русской революции свидетельства «силы» рабочего класса как главного актора преобразования общества в «коллективный организм». Такие идеи встретили бурную критику руководства Итальянской социалистической партии, которое поддержало реформистские интерпретации марксизма. Взгляды Грамши часто осуждались как «антимарксистские», «идеалистические». Сам же активист полагал, что «революция против Капитала» (La rivoluzione contro il Capitale), как он назвал Октябрьскую революцию, является свидетельством «креативной интерпретации» марксизма большевикам.

После событий октября 1917 года, в дни «красного двухлетия» (1919–1920), Грамши, главный редактор политико-культурного журнала «Ordine nuovo», пытался использовать опыт большевиков в итальянском рабочем движении, подчеркнув «духовную силу» рабочих и поддерживая создание рабочих советов на заводах Северной Италии. Полемика Антонио Грамши была направлена против позитивистских и реформистских интерпретаций марксизма в Италии и в контексте мирового рабочего движения. Руководитель Итальянской коммунистической партии в 1921 г., затем генеральный секретарь, Грамши выделял культуру как поле для конструирования партии. Наконец, во время долгого плена в годы фашизма коммунистический лидер размышляет о понятии «гегемонии» и «пассивной революции», а также о роли интеллигенции в обществе.

Ключевые слова: Грамши, революция, гегемония, интеллектуалы

Савино Джованни — кандидат исторических наук (PhD), приглашенный профессор, Институт общественных наук, РАНХиГС, Москва. Научные интересы: Социальная история, история культуры, нации и национализмы, идентичности. E-mail: giovsav@gmail.com
Savino Giovanni — PhD in contemporary history, visiting professor, School of Public Policy, RANEPA, Moscow. Scientific interests: social history, history of culture, nations and nationalisms, identities. E-mail: giovsav@gmail.com

Социология власти
Том 29
№ 2 (2017)

Giovanni Savino, RANEPA, Moscow, Russia
The norm of Political moral: the intellectual project of Antonio Gramsci

In the present paper we analyze the formation and the development of Antonio Gramsci, Italian Marxist theoretician, ideas during and after the 1917 Russian revolution. Beginning as journalist and militant in the Italian Socialist Party Turin branch, Gramsci saw in the revolutionary events in Russia the presence of the working class' "strength", as the main actor in transforming the society in a "collective body". After 1917, during the "Biennio rosso" in 1919-1920, Gramsci was the chief redactor of "Ordine Nuovo" review, from which appealed to the Italian workers to follow the Bolshevik experience, emphasizing their "spiritual strength". Then, during his days jailed as political prisoner by Fascists, the Communist leader reflected on the concepts of "hegemony", "passive revolution", and on the role of the intellectuals into the society.

Keywords: Gramsci, revolution, hegemony, intellectuals

doi: 10.22394/2074-0492-2017-2-84-96

В этом году отмечаются два юбилея — 100-летие российской революции и 80 лет со дня смерти Антонио Грамши. Сегодня Грамши широко известен как теоретик культуры. Его теория гегемонии применяется в разных контекстах [Holub, 1992, p. 2; Harris, 1992, p. 9-13]. Однако в настоящем тексте мы обратимся к значению его наследия для политической философии. Русская революция 1917 года стала переломным моментом для его деятельности в качестве активиста Итальянской социалистической партии и журналиста партийных изданий в Турине. Этот город называют «итальянским Петроградом» [D'Orsi, 2017, p. 141] из-за трагических событий августа 1917-го и сентября 1920 г. Русская революция, по мысли Грамши, дала примером для осмысления стратегии и роли революционной партии (см. недавно опубликованную антология статьей и текстов Грамши о русской революции «В зависимости от человеческой воли» («Come alla volontà piace») [Liguori, 2017, p. 5]).

«Человеческая воля» революции: Грамши и осмысление большевизма

«Почему русская революция является революцией пролетарской?», спрашивает Грамши в статье «Заметки о русской революции», опубликованной в печатном органе социалистов Турина «Il Grido del Popolo» 29 апреля 1917 г. «Но если революцию совершили пролетарии, то достаточно ли этого, чтобы она стала пролетарской революцией? Войну тоже ведут пролетарии, это само по себе не озна-

чает, что война является пролетарским деянием. Для этого нужны и иные факторы, а именно факторы духовные. Необходимо, чтобы революционное деяние проявило себя не только как феномен силы, но и как обновление всех привычных представлений и норм, как феномен нравственного порядка» [Gramsci, 1917a]. Для итальянского социалистического движения новости о событиях в Петрограде оказались особенно важны, поскольку Итальянская социалистическая партия в целом занимала пацифистскую позицию: реформисты проявляли, скорее, «невраждебность» к военным действиям итальянского правительства и Антанты; большинство членов партии поддерживало, хотя и в разной степени, резолюцию Международной социалистической конференции в Циммервальде. Глава Итальянской социалистической партии, русская революционерка А.И. Балабанова была активным участником организации циммервальдской встречи [Caretti, 1974, p. 27-31].

Филиппо Турати, лидер реформистского крыла Итальянской социалистической партии и видный деятель парламентской фракции, в своей речи на сессии парламента 23 марта 1917 г. так приветствовал Февральскую революцию: «Мы желаем, чтобы российская революция, чей потрясающий подъем напоминает Великую французскую революцию, быстро преодолела все преграды и победила. Прославляя свободную Россию, мы скажем: да здравствует освобождение мира!» [Resoconto stenografico della seduta CCLXIV della Camera dei deputati del Regno d'Italia, 23 marzo 1917, p. 13 376–13 378]. Подобный энтузиазм был в то время весьма распространен в рядах социалистов. Эсер Василий Сухомлин, сотрудник ежедневной газеты «Avanti!», центрального печатного органа партии, написал под псевдонимом Юниор несколько статей о ситуации в дни Февральской революции. 17 марта 1917 г. он так прокомментировал обстановку в Петрограде: «Наши прогнозы оправдались (...) конфликт между старым самодержавно-феодальным режимом и народной Россией принял форму народного восстания, которое вскоре стало настоящей революцией. (...) Народы Европы и мира будут оценивать этот первый и решительный шаг к демократизации последней европейской нации вне цивилизации. Мы на страницах "Avanti!" анализировали различные этапы русского революционного движения и показывали, как неизбежно приближался последний акт. Кризис потребления, то есть голод... уже был прошлым летом и осенью, и последующие министерские кризисы означали только то, что бессмысленные и безнадежные попытки имперского правительства преодолеть растущие внутренние сложности лишь провоцируют их» [Junior, 1917a].

Осмысляя опыт февраля, итальянские социалисты видели главную причину революции в войне, а пролетариат полагали главным

социальным актором событий. Соответствующие аргументы использовались ими в полемике со сторонниками Антанты и войны в Италии: если последние видели в отречении царя возможность укрепления российской армии на фронте, то социалисты указывали, что «из-за войны самые реакционные газеты Италии воспевают эту революцию. Но красный флаг, поднятый пролетариатом Петрограда, вместе с пулеметами на крышах совсем не означает согласие масс трудящейся России с нынешней ситуацией, созданной империализмом всех стран» [Bandiera rossa, 1917].

Пролетариат в глазах итальянских социалистов стал господствующей силой революционного процесса. Двоевластие в Петрограде и России, по мнению активистов, отражало именно этот феномен, за которым с энтузиазмом наблюдали в «Avanti!»: «Революционная сила трудящейся России, воплощенная в исполкоме Совета рабочих и солдат в Петрограде, продолжает существовать и — самое важное — продолжает сильно влиять на политику Временного правительства. (...) Мы с первого дня утверждали, что реальная революционная власть в России та, которая совершила революцию и продолжает распространять свой авторитет на трудящиеся массы и на само Временное правительство, эта власть — организованная сила социалистических рабочих» [Junior, 1917b].

Грамши полагал, что именно «воля» (*volontà*) и «решительность» (*decisione*) являются важнейшими характеристиками политики большевиков в период с февраля по октябрь. Эти понятия, которые Грамши неоднократно использовал, часто становились предметом критики, хотя влияние идей Бергсона на формирование взглядов социалистического деятеля считается доказанным фактом [Guida, 2009, p. 694-697]. В статье «Русские максималисты», напечатанной в туринской газете «Гридо дель пополо» после июльских событий в Петрограде, Грамши описывает большевиков (в статье слово «максималисты» является попыткой буквального перевода на итальянский язык понятия «большевики») как «врагов лености», способных породить новую жизнь, «вся жизнь стала поистине революционной; это деятельность, не перестающая быть всегда актуальной, это постоянный процесс обмена, это постоянное внедрение в аморфную толщу народа. Разбужена новая энергия, распространились новые мобилизующие идеи. Таким образом, люди, все люди стали, наконец, творцами своей собственной судьбы. (...) Теперь уже имеется фермент, который непрестанно разъединяет и соединяет по-новому частицы общественного целого, препятствует застыванию, не позволяет жизни успокоиться в удовлетворении мимолетным успехом» [Gramsci, 1917b].

«Жизнь всегда есть революция», так Грамши завершил свою статью о большевиках. Другие итальянские сторонники Ленина

и большевиков, например, Амадео Бордига, определяя характер российского государства как «предбуржуазного и «слишком несовременного", видели в этом важные причины поражения Российской империи в войне и победы революции. Грамши придавал огромное значение человеческому фактору.

Сразу после октября вышел, возможно, самый известный текст Грамши «Революция против Капитала» (La rivoluzione contro il Capitale). Статья была опубликована в «Avanti!» 24 ноября 1917 г., когда все новости из России были под цензурой после поражения итальянской армии в Капоретто. Грамши критиковал как «ортодоксальных марксистов», таких, как Г.В. Плеханов, и лидеров меньшевиков, так и итальянских реформистов, хотя никогда не называл их имен. Статья была крайне провокационной для того времени, потому что бросала вызов революции и социализму: «В большевистской революции больше идеологии, чем событий. (И, следовательно, нам в действительности не нужно знать больше того, что мы знаем.) Это революция против "Капитала" Карла Маркса. В России "Капитал" Маркса был скорее книгой буржуазии, нежели пролетариата. Он служил критической демонстрацией того, как события должны развиваться по заранее предопределенному сценарию, предусматривающему усиление буржуазии, наступление в России капиталистической эры с установлением западного типа цивилизации еще до того, как пролетариат мог хотя бы задуматься о своем восстании, о своих собственных классовых требованиях, о своей революции. Но события вышли за рамки идеологий, сломав критические схемы, определявшие, каким путем должна идти российская история в соответствии с канонами исторического материализма. Большевики отвергли Карла Маркса, их четкие действия и достижения являются свидетельством того, что каноны исторического материализма не настолько незыблемы, как казалось некоторым» [Gramsci, 1917c]. Именно от того, кого Грамши считал носителем «канонов исторического материализма», он получил самые резкие замечания.

В введении к тексту письма Ю.О. Мартова во французской газете «Journal de Paris» известный деятель итальянского реформистского социализма Клаудио Тревес под псевдонимом Very-Well строго критиковал «некого сотрудника газеты «Аванти!», который полагал, что декреты Ленина преодолевают историю и обгоняют периоды эволюции собственности. «С декретами скачут в буржуазную промышленную эпоху, переходят с патриархального аграрного хозяйства к коллективизму! (...) Здесь нам кажется, что отрекается не только от "Капитала", но еще и от "Манифеста"!» [Very-Well, 1918, с. 4]. Противостояние в Итальянской социалистической партии имело глубокие корни, и после лета 1917 г., ознаменованного антивоенным восстанием в Турине, оно стало еще более радикальным. Турин яв-

лялся крупнейшим промышленным городом Италии тех лет; рабочие страдали из-за голода и нищеты, вызванных войной. Когда в Турин прибыла делегация Петроградского совета рабочих депутатов, которая была сформирована из представителей умеренно-социалистических партий, туринские рабочие приветствовали ее криками: «Да здравствует Ленин!» [Caretti, 1974, p. 83-84]. Акцентируя «человеческую волю» большевиков, Грамши критиковал деятельность руководства итальянского рабочего движения, которое не хотело вступать в конфликт с правительством и/или не было готово организовывать массы [Ibid., p. 85]. Осмысляя опыт 1917 г. в России и Турине, Грамши начинает рассматривать революции в рамках истории, значение и практику понятия гегемонии в европейском (и итальянском) обществе.

Теория гегемонии как теория власти и общества

После Октябрьской революции с 1918 по 1922 г. по Европе бродил «призрак коммунизма», разбуженный потрясениями великой войны. Одним из главных деятелей международного коммунистического движения стал Антонио Грамши, стоявший во главе группы левых социалистов вокруг еженедельника «Ordine Nuovo» («Новый порядок»), журнала социалистической культуры.

На страницах «Ordine Nuovo», который стал с лета 1919 г. рупором туринских заводских советов, Грамши продолжал следить за российскими событиями. Местный опыт был для него важен как параллель с Россией. «Потенциально социалистическое государство уже существует в тех институтах общественной жизни, которые характерны для угнетенного трудящегося класса. Связать между собой эти институты, координировать и соподчинить их в единой системе полномочий и функций власти, централизовать их, сохраняя при этом необходимую автономию и многообразие, — значит создать уже сегодня подлинную рабочую демократию, действенно и активно противостоящую буржуазному государству, уже сейчас готовую заменить буржуазное государство во всех его важнейших функциях управления и распоряжения национальным достоянием» [Gramsci, 1919c].

Грамши считал, что отказ от позитивистской интепретации марксизма оказался значимой заслугой большевиков, поскольку они смогли предвидеть вектор исторического развития: «Большевики придали государственную форму историческому и социальному опыту русского пролетариата, являющемуся одновременно опытом интернационального пролетариата и крестьянства; они облекли в форму сложного, разветвленного и гибкого организма все, даже самые сокровенные, стороны жизни пролетариата, его традиции,

самые глубинные и самые дорогие ему проявления его духовной и социальной истории. Они порвали с прошлым, но они и продолжили прошлое; они сломали одну традицию, но в то же время развили и обогатили другую; они порвали с историческим прошлым, в котором господствовал имущий класс, и продолжили, развили, обогатили традиции, выросшие из жизни пролетариата, из жизни рабочих и крестьян" [Gramsci, 1919b].

Тезисы Грамши созвучны идеям В.А. Базарова и А.А. Богданова, особенно — богдановскому описанию процесса осознания реальности. «Основа "объективности", — пишет русский философ, — должна лежать в сфере коллективного опыта. Объективными мы называем те данные опыта, которые имеют одинаковое жизненное значение для нас и для других людей, те данные, на которых не только мы без противоречия строим свою деятельность, но на которых должны (...) основываться и другие люди, чтобы не прийти к противоречию. Объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех, и для всех имеет определенное значение (...) такое же, как для меня" [Богданов, 1904, с. 25].

Как отметил итальянский исследователь русского марксизма Гвидо Карпи, согласно Богданову, «реальность — и социально обоснованная, и та, которая постигается эпистемологическим или научным путем, — является коллективно организованным опытом и фактором, который организует опыт, является труд» [Карпи, 2016, с. 51]. И хотя в работах Грамши нет прямых ссылок на богдановскую школу, идеи русского философа очень близки взглядам итальянского марксиста. Богдановская «организационная динамика», бытие как организация общества и революции, на наш взгляд, в описании Грамши пролетарской революции выражаются как преобразование общества в коллективный организм: «Пролетарская революция — это самая великая революция: поскольку она стремится уничтожить частную и национальную собственность и упразднить классы, в нее оказываются вовлечены все люди, а не только какая-то их часть. Она заставляет всех людей действовать, участвовать в борьбе, открыто встать на ту или другую сторону. Она коренным образом преобразует общество, превращая его из организма, состоящего из одноклеточных ячеек (граждан-индивидов), в организм, составленный из многоклеточных ячеек; она кладет в основу общества такие образования, которые уже органически присущи ему. Она вынуждает все общество отождествиться с государством, она требует, чтобы все люди были сопричастны сознательной духовной и исторической деятельности. Поэтому пролетарская революция есть социальная революция, поэтому она должна преодолеть неслыханные трудности и преграды, поэтому для ее успеха исто-

рия требует чудовищной дани, подобной той, которую вынужден платить русский народ» [Gramsci, 1919b]. Революция не просто формирует коллективный организм, но сам этот процесс возможен из-за ее пролетарского характера, т. е. гегемонной роли рабочего класса и крестьянства.

Как отметил теоретик «культурного материализма» Реймонд Уильямс, «великая заслуга» Грамши состоит именно в осмыслении вопроса гегемонии как целостной системы. «Если бы идеология была всего лишь абстрактным навязанным набором идей, если бы наши общественные, политические и культурные представления, допущения и привычки были всего лишь результатом специфических манипуляций, разновидностью публичного тренинга, который мог бы быть попросту прерван или отброшен, тогда привести в движение и изменить общество было бы значительно проще по сравнению с тем, что было и существует сегодня на практике. Это понятие гегемонии, глубоко пропитавшее общественное сознание, кажется мне основополагающим. И гегемония имеет преимущество перед широкими представлениями о тотальности, поскольку она в то же время ставит акценты на фактах доминирования» [Уильямс, 2012, с. 143].

Главная работа Грамши «Тюремные тетради» до сих пор сохраняет значимость для социологии. В анализе категорий революции и гегемонии Грамши рассматривает исторический опыт разных стран. Например, понятие «гегемонии» у Грамши означает и «управление», и «управление вместе с властью», эта двусмысленность не устранена до конца и остается дискуссионным вопросом для исследователей наследия Грамши [Cospito, 2004, p. 75]. Итальянский теоретик находил обоснование идеи гегемонии в работах В.И. Ленина; это усматривается в указании на первичность политики в теоретизации гегемонии: «Политика есть во всем, в том числе и в философии или в философиях (см. заметки о характере идеологий), а единственная “философия” — это история в действии, это сама жизнь. В этом смысле можно истолковать тезис о немецком пролетариате, наследнике немецкой классической философии, и можно утверждать, что теоретизация и осуществление гегемонии, проделанные Иличи[1], явились великим “метафизическим” событием» [Gramsci, 1977, p. 882]. Грамши несколько раз подчеркнул роль Ленина как «строителя гегемонии»: «Иличи двинул вперед философию как таковую тем, что двинул вперед политическое учение и практику. Поскольку строительство аппарата гегемонии образу-

1 Ленин назван Иличи или Виличи в «Тетрадях», чтобы избегать проблем в случае обыска в камере.

ет новые идеологические формы, обусловливает реформу сознания и методов познания, постольку оно является актом познания, философским актом. Или, говоря языком Бенедетто Кроче, когда удается внедрить новую мораль, соответствующую новому мировоззрению, это приводит к тому, что внедряется также и данное мировоззрение; другими словами, происходит целая философская реформа» [Gramsci, 1977, p. 1234-1235].

Кто является агентом гегемонии? Грамши пытается ответить на этот вопрос, анализируя формирование интеллигенции в тетради № 12, которая открывается вопросом, «является ли интеллигенция самостоятельной и независимой социальной группой или же всякая социальная группа имеет свою собственную, особую категорию интеллигенции?» [Gramsci, 1977, p. 1513]. Итальянский теоретик рассматривает, как процессы формирования интеллектуального класса происходили в разных странах и как интеллектуалы выходили на авансцену политики. Например, французская интеллигенция смогла в 1789 г., по мнению Грамши, подчинить старые классы и развивать «империалистический и гегемонистский характер» французской культуры в мире [Ibid., p. 1524]. Грамши замечает, что «все люди являются интеллигентами, но не все люди выполняют в обществе функции интеллигентов».

Пассивная революция

Паскуале Воца в очерке о пассивной революции трактует понятие Грамши «революция без революции» как радикальное изменение строя и общества, производимое «сверху» [Voza, 2004, p. 190]. Это замечание представляется важным, поскольку объясняет контекст анализа Грамши во время поражения революций в Европе, особенно в Италии. Грамши пытался найти в истории континента причины и объяснения «революции сверху». «История Европы, рассматриваемая как «пассивная революция». В тетради № 10 Грамши, упоминая философа Бенедетто Кроче, пишет о том, можно ли создать историю Европы XIX века без органического рассмотрения Французской революции и наполеоновских войн? И можно ли представить историю Италии в новое время без борьбы за объединение страны? И в том, и в другом случае Кроче, исходя из внешних и тенденциозных мотивов, отвлекается от фактора борьбы, в которой выковывается и изменяется базис, и спокойно сводит историю к фактору культурной или этико-политической эволюции. Имеет ли актуальное значение понятие «пассивной революции»? Переживаем ли мы период «реставрации-революции», который необходимо постоянно упорядочивать, идеологически организовывать, эмоционально превозносить? Находится ли Италия в тех же отно-

шениях с СССР, что Германия и Европа Канта — Гегеля с Францией Робеспьера — Наполеона?" [Gramsci, 1977, p. 1209]. В критике Грамши в адрес Кроче[1], на тот момент одного из главных европейских философов, очевидно понимание истории как процесса, что является, по его мнению, самой важной точкой для размышлений о политике и культуре.

Понятие «пассивная революция» не принадлежит Грамши. Его автор — итальянский интеллектуал Винченцо Куоко, а исходный смысл словоупотребления носит негативный оттенок. Грамши анализирует трансформацию понятия в рамках событий итальянского национального движения за объединение страны. «Стоит приглядеться к тому, — пишет итальянский теоретик, — как критическая формулировка Винченцо Куоко о "пассивных революциях", которая в момент ее появления (после трагического опыта Партенопейской республики в 1799 г.) служила предупреждением и должна была бы способствовать подъему общенационального нравственного духа и народной революционной инициативы, превратилась благодаря работе ума и социальной боязни умеренных неогвельфов в позитивную концепцию, в политическую программу и мораль, которые за блестящей мишурой националистических разглагольствований о первенстве, итальянской инициативе, об "Италии, которая сама со всем справится", таили неуверенность "ученика чародея" и готовность бросить все и капитулировать при первой же серьезной опасности глубоко народной, то есть подлинной национальной, итальянской революции» [Ibid., p. 1220].

Грамши пытается найти выход из трудного положения коммунистического движения в Европе 1930-х. Исходя из введения работы Карла Маркса «К критике экономической политики», он проецируют категорию «пассивной революции» не только на историю Италии, но и европейскую и мировую историю [Voza, 2004, p. 198]. «Пессимизм разума, оптимизм воли», не случайно Грамши неоднократно писал эти слова в «Тюремных тетрадях»: революция для итальянского теоретика — это акт воли и оптимизма.

Библиография

Богданов А.А. (1904) *Эмпириомонизм. Статьи по философии,* М.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова.

Грамши А. (1960) *Дань истории*, М.: Госполитиздат.

Карпи Г. (2016) *История русского марксизма*, М.: Common place.

1 Бенедетто Кроче был автором «Истории Европы в XIX веке» и ряда работ по истории Италии.

Ломбардо-Радиче Л., Карбоне Д. (1953) *Жизнь Грамши,* М.: Иностранная литература.

Уильямс Р. (2012) Базис и надстройка в марксистской теории культуры. *Логос*, (1): 136-156.

Bandiera rossa (1917) *L'Avanti!*

Bordiga A. (1917) La Rivoluzione russa nella interpretazione socialista. *L'Avanguardia.*

Caretti S. (1974) *La rivoluzione russa e il socialismo italiano (1917-1921)*, Pisa: Nistri-Lischi Editori.

Carpi G. (2016) *Istoriia russkogo marksizma (History of Russian Marxism),* M.: Common place.

Cospito G. (2004) Egemonia. Le parole di Gramsci. Per un lessico dei Quaderni del carcere. F. Frosini, G. Liguori (eds), Roma: Carocci: 74-92.

D'Orsi A. (2017) *Gramsci. Una nuova biografia*, Milano: Feltrinelli.

Gramsci A. (1960) *Dan istorii (Tribute to History),* M.: Gospolitizdat.

Gramsci A. (1919) Democrazia operaia. *L'ordine nuovo ,*(7).

Gramsci A. (1917) I massimalisti russi. *Il grido del popolo.*

Gramsci A. (1917) La rivoluzione contro il Capitale. *L'Avanti!.*

Gramsci A. (1919) La taglia della storia. *L'ordine nuovo,* (7).

Gramsci A. (1917) Lenin. *Il grido del popolo.*

Gramsci A. (1917) Note sulla rivoluzione russa. *Il grido del popolo.*

Gramsci A. (1977) *Quaderni del carcere,* Roma: Editori Riuniti.

Guida G. (2009) La "religione della storia". Aspetti della presenza di Bergson nel pensiero di Gramsci. *Gramsci nel suo tempo.* F. Giasi (ed.), Roma: Carocci: 685-705.

Harris D. (1992) *From class struggle to the politics of pleasure: the effects of gramscianism on cultural studies,* London: Routledge.

Holub R. (1992) *Antonio Gramsci: beyond Marxism and postmodernism,* London: Routledge.

Junior (1917) Il significato. *L'Avanti!*

Junior (1917) L'opera dei demagoghi. *L'Avanti!*

La crisi della rivoluzione (1917) *L'Avanti!*

Liguori G. (ed.) (2017) *Come alla volontà piace. Scritti sulla rivoluzione russa*, Roma: Castelvecchi.

Mordenti R. (1996) «Quaderni dal carcere" di Antonio Gramsci. *Letteratura italiana Einaudi.* Asor Rosa A. (ed.) Le opere. Vol. IV-II, Torino: Einaudi: 5-88.

Resoconto stenografico della seduta CCLXIV della Camera dei deputati del Regno d'Italia (1917): 13 376–13 378.

Very-Well (1918) Lenin, Martoff...e noi! *Critica sociale,* (1): 4–18.

Voza P. (2004) *Rivoluzione passiva. Le parole di Gramsci. Per un lessico dei Quaderni del carcere*. F. Frosini, G. Liguori (eds), Roma: Carocci: 189–207.

References

Bandiera rossa (1917) *L'Avanti!*

Bogdanov A.A. (1904) *Empiriomonizm. Stati po filosofii. [Empiriomonism. Essays on philosophy],* M.: Publishing house S. Dorovatskii and A. Charushnikov.

Bordiga A. (1917) La Rivoluzione russa nella interpretazione socialista. *L'Avanguardia.*

Caretti S. (1974) *La rivoluzione russa e il socialismo italiano (1917-1921),* Pisa: Nistri-Lischi Editori.

Carpi G. (2016) *Istoriia russkogo marksizma (History of Russian Marxism),* M.: Common place.

Cospito G. (2004) Egemonia. Le parole di Gramsci. Per un lessico dei Quaderni del carcere. F. Frosini, G. Liguori (eds), Roma: Carocci: 74-92.

D'Orsi A. (2017) *Gramsci. Una nuova biografia*, Milano: Feltrinelli.

Gramsci A. (1960) *Dan istorii (Tribute to History),* M.: Gospolitizdat.

Gramsci A. (1919) Democrazia operaia. *L'ordine nuovo* ,(7).

Gramsci A. (1917) I massimalisti russi. *Il grido del popolo.*

Gramsci A. (1917) La rivoluzione contro il Capitale. *L'Avanti!.*

Gramsci A. (1919) La taglia della storia. *L'ordine nuovo,* (7).

Gramsci A. (1917) Lenin. *Il grido del popolo.*

Gramsci A. (1917) Note sulla rivoluzione russa. *Il grido del popolo.*

Gramsci A. (1977) *Quaderni del carcere,* Roma: Editori Riuniti.

Guida G. (2009) La "religione della storia". Aspetti della presenza di Bergson nel pensiero di Gramsci. *Gramsci nel suo tempo.* F. Giasi (ed.). Roma: Carocci: 685-705.

Harris D. (1992) *From class struggle to the politics of pleasure: the effects of gramscianism on cultural studies,* London: Routledge.

Holub R. (1992) *Antonio Gramsci: beyond Marxism and postmodernism,* London: Routledge.

Junior (1917) Il significato. *L'Avanti!*

Junior (1917) L'opera dei demagoghi. *L'Avanti!*

La crisi della rivoluzione (1917) *L'Avanti!*

Liguori G. (ed.) (2017) *Come alla volontà piace. Scritti sulla rivoluzione russa*, Roma: Castelvecchi.

Lombardo-Radice L., Carbone D. (1953) *Zhizn Gramshi (The life of Gramsci),* M.: Foreign Literature Publishing House.

Mordenti R. (1996) «Quaderni dal carcere" di Antonio Gramsci. *Letteratura italiana Einaudi.* Asor Rosa A. (ed.) Le opere. Vol. IV-II, Torino: Einaudi: 5-88.

Resoconto stenografico della seduta CCLXIV della Camera dei deputati del Regno d'Italia (1917): 13 376–13 378.

Very-Well (1918) Lenin, Martoff...e noi! *Critica sociale,* (1): 4–18.

Voza P. (2004) *Rivoluzione passiva. Le parole di Gramsci. Per un lessico dei Quaderni del carcere.* F. Frosini, G. Liguori (eds), Roma: Carocci: 189-207.

Williams R. (2012) Bazis i nadstroika v marksistskoi teorii kultury (Base and superstructure in Marxist cultural theory). *Logos*, (1): 136-156.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Савино Дж. (2017) Норма политической морали: интеллектуальный проект Антонио Грамши. *Социология власти*, 29 (2): 84-96.

Savino G. (2017) The Norm of Political Moral: The Intellectual Project of Antonio Gramsci. *Sociology of power*, 29 (2): 84-96.